

К поэтике научного текста Ю. Тынянова

Е. П. Бережная

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СО РАН,
НОВОСИБИРСК

Аннотация: Вполне оправданной, и в какой-то степени закономерной, при изучении русского формализма представляется мысль о близком стилистическом стоянии опоязовских текстов к современной авангардной и акмеистической литературе, что привело к созданию в творчестве формалистов беспримерного конгломерата соподчинительных отношений между научностью литературы и литературностью науки. Став участниками «крутого перелома в искусстве», повлекшего за собой возрождение поэтики в первом десятилетии XX века, ученые-опоязовцы получили необходимые условия, позволяющие им как бы «с чистого листа» интерпретировать и свое первоначальное положение в интеллектуальном контексте эпохи и создаваемую ими новую науку о литературе. Эта легитимация «общего дела», которое они «с самого начала» понимали как «дело историческое» (Эйхенбаум), невозможна без уяснения индивидуального личного опыта, без понимания тех механизмов, посредством которых представители ОПОЯЗовского «триумvirата» создавали свою аналитику и свой собственный язык описания, «ни на кого, кроме себя, не равнясь» (Каверин). После непродолжительной формалистской экспансии, предполагающей саму идею деформации и перемен, филология стала «другой» наукой, и Тынянову в этом осуществлении принадлежит особая роль. У Тынянова нет стилистически гомогенных текстов, каждая его статья утверждает право на несходство и различие как на необходимую потребность стать «новым зрением» в науке. Очевидное здесь – тот «избыток энергии», присутствие которого отличает научную прозу Тынянова от артикулированных по преимуществу установок Шкловского и Эйхенбаума. В итоговой статье, посвященной Пушкину, Тынянов написал о «катастрофической эволюции» его творчества как динамических сдвигах формы, определивших драматизм и трагическую обреченность поэта. Творчество Тынянова, интерпретированное в контексте пушкинской поэтики, позволяет актуализировать новое проблемное поле – трудноразличи-

мую средствами письма энергию формы, внимание к которой расширяет перспективу в изучении неявных способов видения реальности.

Ключевые слова: Русский формализм, «Проблема стихотворного языка», Пушкин, верлибр, эквиваленты текста, энергия формы.

УДК: 82.0 + 882.08.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Восход, 15. Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. Тел. +7 (383) 3301760. E-mail: bereg.63@mail.ru.

Совсем не так велика пропасть между методами науки и искусства.

Ю. Тынянов

...нужно художественное зрение, нужна художественная по методу работа, чтобы возникали в науке новые явления. Творчество Тынянова, совершающееся при непрерывном органическом взаимодействии методов науки и искусства, – явление знаменательное для нашей эпохи и культуры.

Б. Эйхенбаум

Одной из лучших иллюстраций разработанной Тыняновым концепции литературной эволюции могут служить положения, ориентированные на устранение каузально выстроенных отношений¹. В общих формах оппозиций, которые выстраивались в линейную цепочку событий, имитируя построение научной истории литературы², преодоление хронологического принципа

¹ См., например, пункты 1 и 12 тыняновской статьи «О литературной эволюции»: «1. ...упрощенный каузальный подход к литературному ряду приводит к разрыву между тем пунктом, с которого наблюдается литературный ряд, – а им всегда оказываются главные, но и дальнейшие социальные ряды, – и самым литературным рядом»; «12. Устанавливая сразу дальнейшие каузальные ряды для отдельных произведений и отдельных авторов, мы изучаем не эволюцию литературы, а ее модификацию, не как изменяется, эволюционирует литература в соотнесенности с другими рядами, а как ее деформируют соседние ряды... <...> Особенно ненадежен здесь прямолинейный путь изучения авторской психологии и переброска каузального мостика от *авторской* среды, быта, класса к его произведениям» [Тынянов, 1977а, с. 270, 279–280] (здесь и далее все шрифтовые выделения принадлежат авторам цитируемых текстов).

² Ср. у Б. Эйхенбаума: «...традиции таких построений (вроде “Истории русской литературы” А. Н. Пыпина) сохраняли свой научный авторитет, тем более сильный, что следующее поколение уже не решалось братья за такие обширные темы. Между тем в построениях этих главную роль играли такие общие и никому неясные понятия, как “реализм” или “романтизм” (причем считалось, что реализм лучше романтизма), эволюция понималась, как постепенное совершенствование, как прогресс (от романтизма – к реализму), преемственность – как мирная передача наследства от отца к сыну, а литературы,

возможно при условии создания механизма, способного наиболее точно передавать многосложность художественных явлений. В «Архаистах и Пушкине» Тынянов, стремясь переформулировать взаимосвязи культурных парадигм, указал на характерный для пушкинской поэтики «колебательный» принцип смыслопорождения, заявленный в «Евгении Онегине» на всех его уровнях¹. Эта промежуточность теоретических построений Тынянова определила направление его интереса к «младшим», неканонизированным и отвергнутым формам словесности², в то время как «старшая», доминирующая линия литературы могла уйти на периферию.

Методологический подход Тынянова был следствием ситуации «промежутка», типичной для нарождающейся новой эпохи³. Что касается позиции Тынянова в современной науке о литературе или оценки актуальности его наследия для будущей, то она, возможно, станет необходимым шагом в построении новой теоретической истории словесности.

Все бинарные конструкции, какого бы порядка они ни были, создаются в условиях насилия и подчинения, когда взаимозамена между парами оппози-

как таковой, вообще не было – ее заменял материал, взятый из истории общественных движений, из биографии и пр.» [Эйхенбаум, 1927, с. 142–143]. Ср. из предисловия Эйхенбаума к сб. «Русская проза» (1926): «Идиллические картины мирной “преемственности”, благополучные переходы от одного гения к другому, благоразумное движение “от романтизма к реализму” – наивные схемы подобного рода приводили к торжеству “полных собраний сочинений” над первоисточниками и журнальными материалами, учебников – над настоящими научными исследованиями» [Эйхенбаум, 2007, с. 6].

¹ Ср.: «Подобно тому как в отношении языка Пушкин дал новые достижения, потому что не замыкался в “сектанство” Вяземского или Кюхельбекера, а соединял принципы и достижения противоположных школ, подобно этому и тематический строй был ценен для него, главным образом, своим разнообразием и противоречивою спайкой высокого и низкого, стилистически приравненных, доставляющих материал для колебания двух планов. Это колебание, это постоянное переключение из одного плана в другой <...> является сильным динамизирующим средством, дающим возможность Пушкину создать новый эпос, новую большую форму» [Тынянов, 1969а, с. 116–117].

² См., например, комментарий Е. А. Тоддеса к тыняновской статье «“Ар-гивяне”, неизданная трагедия Кюхельбекера»: «Сохранился план 1929 или 1930 г., озаглавленный “Отверженные. Хрестоматия и исследования” и включающий перечень имен: “I серия. Барков; Бобров; Шихматов; Хвостов; Шаликов; Третьяковский; Кюхельбекер; Шатров; Николев; Карabanов; Макаров”. В другом плане, зафиксировавшем этот замысел, названы также Алипанов, Булгарин, А. А. Орлов» [Тынянов, 1977в, с. 431]. См. также комментарий к ст. «О пародии» [1977г, с. 538].

³ См. у Б. Эйхенбаума: «Все было в “промежуточном” состоянии: и наука и искусство. <...> Литературная наука жила своей инерцией – и инерция эта кончилась; образовался своего рода “промежуток”. Явились вопросы о методах и жанрах научного творчества, о составе и границах исследования» [Эйхенбаум, 1983, с. 214, 215].

ции сведена к нулю. В тыняновской теории литературного развития нарушается иерархия культурного взаимодействия («центр съезжает в периферию»); у конфликтующих друг с другом членов оппозиции более релевантным оказывается не бинарное противопоставление, а оппозиционное смещение с противоположным акцентом, например, «архаичность» новаторов и «новизна» архаистов. Созданием новой методологии, отменяющей саму идею бинарного характера культуры, объясняется исследовательская манера Тынянова: вместе с научным способом освоения материала выйти за пределы науки в собственно художественную сферу, как это принято в литературной критике. (См., например, демонстративно-релятивистское начало статьи «Промежуток», колеблющаяся стилистика которого намеренно меняет акцентуацию дихотомического разделения: «Писать о стихах теперь почти так же трудно, как писать стихи. Писать же стихи почти так же трудно, как читать их. Таков порочный круг нашего времени») [Тынянов, 1977б, с. 168]¹. В этой перспективе рассмотрению того, как «сделано» *литературное* произведение, мы вправе предпочесть его ближайший эквивалент – филологический текст (в данном случае научный текст Тынянова), сохраняющий ту высокую вдохновенность и энергию, которая характерна для поэтического слова.

Вполне оправданной, и в какой-то степени закономерной, при изучении русского формализма представляется мысль о близком стилистическом стоянии опоязовских текстов к современной авангардной и акмеистической литературе², что привело к созданию в творчестве формалистов беспримерного конгломерата соподчинительных отношений между *научностью* литературы и *литературностью* науки³. Став участниками «крутого перелома в искусстве»

¹ См. у Б. Эйхенбаума: «Наша эпоха, по исторической своей природе, синтетична – хотя бы в том смысле, что она ставит заново все вопросы человеческого бытия и общежития. Является тяга к сочетанию и сближению разных методов мышления и разных речевых средств для понимания одних и тех же фактов жизни. Наука и искусство оказываются при этом не столько разными (и несоединимыми) типами мышления, сколько разными языковыми строями, разными системами речи и выражения. Если одни эпохи их разъединяют, то другие могут и должны их сближать и соединять» [Эйхенбаум, 1969, с. 382].

² Ср. в записи Тамары Хмельницкой: «Тынянов в своих лекциях любил повторять: “Каждая литературная теория питается литературой, в которой она живет. Нет литературной теории самой по себе”» [1983, с. 125].

³ См. замечание Эйхенбаума о тыняновской прозе: «...романы Тынянова научны, это своего рода художественные монографии...» [1983, с. 216]. Ср. также: «Если романы Тынянова в этом смысле научны, то его литературоведческие работы скрывают в себе несомненные черты художественного зрения, необычные для традиционного литературоведения и обнаруживающие заинтересованность беллетриста, писателя» [Эйхенбаум, 1969, с. 384]. В. Шкловский писал об «олитературивании» исследовательских работ Тынянова [1983, с. 26]. Ср. из письма Тынянова к Шкловскому 31 марта 1929 г.: «Я смотрю на свои романы, как на опыты научной фантазии, и только. Я думаю, что беллетристика на историческом материале теперь скоро вся пройдет, и будет беллетристика на теории» (цит по: [Воспоминания..., 1983, с. 28]).

(Эйхенбаум), повлекшего за собой возрождение поэтики в первом десятилетии XX века, ученые-опоязовцы получили необходимые условия, позволяющие им как бы «с чистого листа» интерпретировать и свое первоначальное положение в интеллектуальном контексте эпохи и создаваемую ими новую науку о литературе. Эта легитимация «общего дела», которое они «с самого начала» понимали как «дело историческое» [Эйхенбаум, 1987, с. 407], невозможна без уяснения индивидуального *личного* опыта, без понимания тех механизмов, посредством которых представители ОПОЯЗовского «триумvirата» создавали свою аналитику и свой собственный язык описания, «ни на кого, кроме себя, не равняясь»¹.

Не оглядываясь на академические традиции, сохраняющие «мирную преемственность» «школ» и «направлений» (ср.: «пушкинисты <...> изучали не Пушкина, а пушкиноведение») [Тынянов, 1966, с. 19], формалисты демонстрировали совсем иной уровень ответственности «субъекта» за передаваемые научные знания. (Ср. предисловие Ю. Тынянова к сборнику «Русская проза» (1926): «... изменяется вопрос о понятии “традиции”, которым оперировала история литературы. *Эволюция литературы должна оперировать понятием смены.* Я в корне отрицаю метод сличения цитат, в итоге которого получается впечатление, что дело идет о “традиции” одного писателя по отношению к другому. Здесь сличаемые элементы абстрагируются, отвлекаются от своих функций, сличается поэтому несоизмеримое. Совпадение, *конвергенции* бывают в литературе, но они бывают в функциях элементов, в том или ином функциональном отношении к данному элементу. Эти конвергенции (“влияния”, заимствования) несоизмеримо далеки от понятия традиции. Не “влияния”, а опорные пункты. Исследование должно вестись не на сличении количественно-типического, а на установлении разницы между качественно-характерным. <...> Ученики – это тоже смена. <...> Они – как приходят новые элементы литературы – придут перерабатывать *результаты* наших работ») [2007, с. 9]²). «Теснота стихового ряда» вместо «сюжета», «авторская индивидуальность», а не «преемственность» – предлагаемые различия опирались на отчетливую стилистическую мотивировку, призванную показать те выразительные средства, из которых может конструироваться идея. (Так, например, изложенная Тыняновым в «Архаистах и Пушкине» концепция русской лирики XVIII – первой четверти XIX в. тесно связана с жанровыми установками оды и элегии, тогда как более привычное описание этого периода в терминах романтизма и классицизма указывало бы на выстраивание модели литературного текста через внетекстовую соотнесенность; в близкой по написанию к «Архаи-

¹ Об исследовательской манере Тынянова см. в воспоминаниях В. Каверина [1983, с. 50, 51].

² Ср. также из воспоминаний В. Г. Голицыной: «Слово “влияние” было у нас под запретом. <...> Никто ни на кого не влиял. Влияние претерпевают эпигоны. Великий писатель “отталкивался”, творчески перерабатывал достижения предшественников и преодолевал их. Иногда случались совпадения, “конвергенция приемов”. Байрон не влиял на Пушкина. Пушкин не подражал ему. Он читал Байрона и брал у него то, что мог отыскать и сам, потому что это нужно было Пушкину» [1983, с. 80].

стам» статье «Достоевский и Гоголь» Тынянов говорит о стилистических доминантах прозы Достоевского, который, «отмежевываясь от “типов” Гоголя», пользуется «его словесными и вещными масками». И далее важное замечание: «Достоевский пользуется приемами Гоголя, но сами по себе они для него не обязательны» [Тынянов, 1977д, с. 209]¹). «Переработать достижения предшественников», чтобы создать новые явления в науке и литературе, – эта нехарактерная для России традиция зачиналась формалистами², была продолжена прозаическими опытами Лидии Гинзбург, открывшей промежуточную литературу, и на волне структурализма второй половины XX в. оказалась прерванной поисками всеобъемлющей интертекстуальности.

Помимо «нового зрения» в литературе, формализм открыл новый взгляд на литературную науку как на институцию, имеющую самостоятельную ценность. После непродолжительной формалистской экспансии, предполагающей саму идею деформации и перемен, филология стала «другой» наукой, и Тынянову в этом осуществлении принадлежит особая роль³.

¹ Здесь уместно вспомнить об имитационных играх Тынянова, о которых говорят многие из его современников, и в которых было больше стремления к несходству и различию, чем собственно «пародии» на пародируемого с неизбежными при этом оценочно-пейоративными коннотациями. См. у Тынянова: «Хотящее определение пародии, так, как оно окончательно утвердилось к середине девятнадцатого века, может быть процитировано, напр., по словарию Буйе: “Пародия есть сочинение, в стихах или прозе, сделанное на какое-нибудь серьезное произведение, с обращением его в смешную сторону, посредством каких-либо изменений или соращения от существенного его назначения к предмету забавному”» [Тынянов, 1977е, с. 284]. В «Достоевском и Гоголе» Тынянов опровергает представление о пародии как о комическом жанре: «Проекция *несходства* словесных масок в сюжет дает ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем; проекция *сходства* их – равенство их на фоне “скучной жизни”. Подобным же образом несходство имен дяди Митяя и дяди Миняя, проецируясь в вещную маску, дает высокий и низкий рост, худобу и толщину» [Тынянов, 1977д, с. 204].

² Ср. в записях Л. Гинзбург 1927 г.: «Гуковский говорил вчера: опозовцы десять лет назад сумели увидеть в литературе принципиально новые объекты. Вопрос нашей научной жизни и смерти – это вопрос открытия других новых объектов» [1987, с. 186]. Ср. из воспоминаний Льва Успенского: «Лекции и семинары наших профессоров – и Эйхенбаума, и Щербы, и Виноградова – никогда не проходили как предназначенные именно для такого-то курса. Нет, это были, чаще всего, блестящие и глубокие импровизации, поднимавшие совершенно новые пласты вопросов или дававшие давним проблемам неожиданное, новое, может быть только вчера сформулированное самим исследователем, освещение. Все это никогда не повторялось через год в том же виде. За год и Тынянов, и Эйхенбаум, и Томашевский, и Жирмунский успели выпустить новые книги, пересмотреть прошлогодние взгляды, обновить их или заменить несколько иным освещением темы...» [1983, с. 112].

³ О влиянии формализма на все сферы жизни см. замечание Л. Гинзбург: «Если бы не было Эйхенбаума и Тынянова, жизнь была бы другой, то есть

Отстаивая тезис об автономности литературы, которую формалисты в широком плане понимали как обновление энергетических усилий *формы*, предпочитая «узкое спецификаторство» целостному изучению литературных явлений, или различие и разъединение там, где необходимым условием для существования научного диалога считались сходство и синтез исследовательских позиций, – они обрекали себя на положение иностранцев «в чужой стране». (Ср. замечание Тынянова по поводу статьи Блока «Русские дэнди»: «Дендизм основан на стремлении к несходству, и Блок напрасно думает, что у нас это явление может распространиться. К сожалению, распространяется обратное – стремление к сходству. Никому не хочется отличаться друг от друга, и это действительно опасно»)¹. Возможно, «западничество» представитель русского формализма, ориентированное прежде всего на выявление специфики *частного*, и, соответственно, на выраженный гетерогенный плюрализм, обеспечило новаторским начинаниям формалистов незаслуженную непопулярность в пределах российского культурного ареала.

С исключительной ролью Тынянова в становлении русской поэтики корреспондирует его намеренное самопозиционирование в качестве учено-исследователя в противоположность не менее значительной стороне самореализации – писательской деятельности². Презумпция отрицания «биографизма» как средства интерпретации «писательской личности» имела свою оборотную сторону в «автобиографизме» формалистских текстов (ср. у Л. Гинзбург: «Историко-литературные работы удаются, когда в них есть второй, интимный смысл» [1989, с. 327])³, в почти неизбежной соотнесенности исследователя с реальным внетекстовым лицом, и этот теоретический конструкт увеличивает наши возможности в понимании языка, характерного для опоязовцев. Так, Эйхенбаум идентифицировал себя с Толстым, а Шкловский находил свой адресный источник в творчестве Маяковского.

«Антиавторская» концепция, имевшая начало, по мнению исследователей, в работах формалистов, связана с отделением «биографии» от «литерату-

я была бы другой, с другими способами и возможностями мыслить, чувствовать, работать, относиться к людям, видеть вещи» [1987, с. 192].

¹ Цит. по записи В. Каверина [1983, с. 47].

² Н. Чуковский вспоминал: «В молодости Тынянов был человек общительный, говорливый и жизнерадостный. <...> В то – начальное – время водился он и дружил не с поэтами и прозаиками, а с теоретиками и историками литературы – с Виктором Шкловским, с Борисом Эйхенбаумом. Тогда еще никому – в том числе и ему – не приходило в голову, что он будет не ученым, а писателем, автором романов и повестей» [1983, с. 285].

³ Автобиографический контекст тыняновской статьи «Безыменная любовь» почувствовал один из мемуаристов. Ср. из воспоминаний Н. Чуковского: «Снова услышал я от него любимую его мысль, что в жизни Пушкина была потаенная любовь, никому не ведомая, но прошедшая через всю его жизнь и оставившая яркий след на всем пушкинском творчестве. <...> Юрий Николаевич так часто рассказывал эту историю, так ею волновался, что невольно приходило на ум, что история эта связана для него с чем-то личным, своим собственным... » [1983, с. 288].

ры», как это понимал Тынянов. (Ср. из предисловия к сб. «Архаисты и новаторы»: «Мне казалось нескромным заставлять читателя ходить со мною по темам и выводам именно в той последовательности, в какой ходил я сам, так как сюжет этой книги прежде всего эволюция литературы, а никак не эволюция автора» [Тынянов, 1977ж, с. 395]). «Биографический» автор – это автор вне речевого материала, и изучение литературы в таком порядке происходит по линии изучения «личности творца». Против такого «психологического генезиса» решительно выступал Тынянов. В статье «Литературный факт» он писал о том, что «неуловимый» и, вместе с тем, конкретный облик автора, его *лицо* складывается из особенностей лексики, синтаксиса, а главное, интонационного фразового рисунка [1977з, с. 268]. Наиболее убедительным примером доминирования *литературы* над биографическим материалом может служить тыняновская «Автобиография», в интонационно-ритмическом оформлении которой существенно реструктурируется житейское содержание. (Ср., например, начало текста: «Я родился в 1894 году в городе Режице, часах в шести от мест рождения Михозлса и Шагала и в восьми от места рождения и молодости Екатерины I. Город был небольшой, холмистый, очень разный. На холме – развалины Ливонского замка, внизу – еврейские переулки, а за речкой – раскольничий скит. До войны город был Витебской губернии, теперь – латвийский. В городе одновременно жили евреи, белорусы, великорусы, латыши, и существовало несколько веков и стран. Староверы были похожи на суриковских стрельцов. В скиту тек по желтым пескам ручей, звонили в било (отрезки рельсов; колокола были запрещены), справляли на бешеных конях свадьбы. Потом разводились, и тогда тоже мчались на конях, загоняли их. Там ходили высокие русские люди XVII века; старики носили длинные кафтаны, широкополюе шляпы; бороды были острые, длинные, сосульками. Пьянства случались архаические, и опять-таки кончались ездой») [Тынянов, 1966, с. 9]. Эти стилистические явления приводят к такому сложному образованию как *лицо* прозы¹. Стилистическая и внутриконтруктивная функция автора, перерастая литературный материал, обрастала межтекстовой функцией, становясь «бытовым явлением» – «литературной личностью»². «“Литературная личность”, “авторская личность”, “герой” в разное время является *речевой* установкой литературы и оттуда идет в быт. Таковы лирические герои Байрона, соотносившиеся с его “литературной личностью” – с тою личностью, которая оживала у читателей из стихов, и переходившие в быт. Такова “литературная личность” Гейне, далекая от биографического подлинного Гейне» [Тынянов, 1977з, с. 279]. В преодолении всего «подлинного биографического» Тынянов (и представители ОПОЯЗа) строили свою новую поэтику на основе принципа *литературности*³, негнорируя тем самым *человека*, способного самые высо-

¹ О ликах повествования в связи с идеями Тынянова писал С. Г. Бочаров в книге «Поэтика Пушкина» [1974].

² Таков у Пушкина Белкин. Ср. в связи с этим работу Бочарова «Пушкин и Белкин» в его книге: [Бочаров, 1974].

³ Ср. у Б. Эйхенбаума: «Историко-литературный факт представляет собой сложное образование, в котором основную роль играет сама *литературность*, – элемент настолько специфический, что его изучение может быть плодотвор-

кие абстракции превращать в историю о том, «как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Автобиографизм» Тынянова проистекает из его «своеобразной теории относительности» [1966, с. 121], которая предполагает умение смотреть на слова и вещи «взглядом ученого, проникающего в процесс и протекание, – вровень»¹. Чтобы приблизить явления прошлого к современности, необходимо выстроить дистанцию так, как если бы это прошлое было твоим «личным делом».

Или – в противоположность известному изречению об ихтиологе и рыбе – чтобы увидеть в Пушкине «новое и живое» [Там же, с. 98], более предпочтительным окажется взгляд изнутри, наблюдающий за «объектом» на расстоянии интимной соотнесенности². Фактически подобный способ снятия дистанции означает не методологический подход, но в большей степени особенность поэтического мировосприятия.

Литературоведческая концепция Тынянова создавалась на материале творчества Пушкина, опираясь, прежде всего, на роман в стихах «Евгений Онегин». Поэтому очевидно, что язык описания романа и тыняновская научная проза могут находиться в отношениях стилистической коррелятивности.

В научном наследии Тынянова онегинская линия образует вполне завершенную сферу, генерирующую различные семантические уровни конкретных элементов пушкинского текста. Еще большую определенность обнаруживает она в измененном ракурсе своего рассмотрения. Четыре тыняновские работы, эксплицирующие проблематику романа, обратимы друг на друга по принципу опоясывающей рифмы. Первая – «Архаисты и Пушкин» (1921) с расширительной трактовкой эволюционного пути поэта как бы в сокращенном виде отражается в последней итоговой статье «Пушкин» (1928), конкретизирующей формы эволюции пушкинского стихового эпоса. Вторая незаконченная статья «О композиции “Евгения Онегина”» явилась подготовительным текстом к главной теоретико-литературной книге Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924), в которой пушкинский роман представлен в качестве «деформирующего инструмента», определившего перспективы исследования поэтической семантики. Нерациональное выстраивание «пушкинского текста» способом кольцевой рифмовки обнаруживает в Тынянове *поэта* как

ным только в плане собственно эволюционном. Четырехстопный ямб Пушкина, например, невозможно (не только в причинном плане, но и в плане обусловленности) связать ни с общими социально-экономическими условиями николаевской эпохи, ни даже с особенностями ее литературного быта» [1929, с. 55–56].

¹ «Вровень – так изменяются измерения тем, производится переоценка их. Это возможно только при отношении к самому слову как к атому, со своими процессами и строением» [Тынянов, 1965а, с. 297–298].

² Ср.: «Тынянову, при его отношении к истории (“вровень”) и к слову, необходимо было вырваться из этой традиции, преодолеть инерцию. Он не мог мириться с тем, что “за плотный и тесный язык” литературной науки не попадает интимное, домашнее, личное, бытовое» [Воспоминания, 1983, с. 215].

немаловажный фактор в изучении проблемы взаимоотношенности *материала и приема*.

Рассмотрим лишь один из примеров, показывающий, что «материал» сам по себе не является изначально установленным и застывшим, что, влияя на процесс восприятия и подчиняя его, он, по сути, сам оказывается в положении постоянно обновляемого «литературного факта».

В корпусе работ Тынянова, освещающих онегинскую проблематику, статья «О композиции “Евгения Онегина”» продемонстрировала одно из положений тыняновской теории литературной эволюции, которое показывает ограниченность «авторского намерения» в перспективе выстраиваемого художественного материала¹.

Первоначально Тыняновым была задумана статья под названием «Ленский»². Замысел статьи о Ленском переплетался у Тынянова с построением генеральной схемы литературной борьбы 1810–1820-х годов, изложенной в монографии «Архаисты и Пушкин». На материале Ленского Тынянов сформулировал теорию «свободного героя» пушкинского романа, который не только нес в себе «переменный психологический» и «физический» материал, но в итоге становился «эквивалентом единства» для развертывания этого материала. Возможно, что последовавшую за «Архаистами» статью «Ленский», Тынянов собирался посвятить вопросу о героях в «Евгении Онегине». В шестом наброске «Ленского» Тынянов сформулировал эту тему следующим образом: «На вопросе о “герое” яснее всего сказывается деформирующая сила художественного произведения – и необычайная податливость деформируемого материала» [Тынянов, 1977и, с. 417]. В предшествовавших пяти вариантах статьи предварительно рассматривались общетеоретические вопросы, связанные с проблемами поэтического языка, жанра, героя и т. п.³ Как было сказано, в шестом наброске статьи «Ленский» (представленном в наиболее полном виде) Тынянов приступил к проблеме «героя» в «Евгении Онегине», обозначив несколько фундаментальных формул для постижения структуры персонажа пушкинского романа: герой как «устойчивая движущаяся точка», как «мотивировка литературных явлений» или «единица словесной динамики произведения» [Там же, с. 417, 419]. Однако дальнейшего развития эта тема не получила, растворившись в решении теоретических проблем, связанных со структурой пушкинского романа в целом, и в беловом варианте, седьмом по

¹ Ср. из ст. Ю. Н. Тынянова «О литературной эволюции»: «...авторское намерение может быть только ферментом. Орудя специфическим литературным материалом, автор отходит, подчиняясь ему, от своего намерения. Так, “Горе от ума” должно было быть “высоким” и даже “великолепным” (по авторской терминологии, не сходной с нашей), но получилось политической “архаистической” памфлетной комедией. Так, “Евгений Онегин” должен был быть сначала “сатирической поэмой”, в которой автор “захлебывается желчью”. А работая над 4-й главой, Пушкин уже пишет: Где у меня сатира? О ней и помину нет в “Евгении Онегине”» [1977а, с. 278].

² См. комментарии А. П. Чудакова к статье «О композиции “Евгения Онегина”» [Тынянов, 1977и, с. 415].

³ См. комментарии Чудакова [Там же].

общему счету, появилось новое заглавие «О композиции “Евгения Онегина”»¹. Персонаж в «Композиции» рассматривался лишь в качестве частного случая общей проблемы конструкции пушкинского романа в стихах.

Приведенный нами конспект первоначальных вариантов тыняновской статьи «О композиции “Евгения Онегина”» показывает прежде всего «отход» Тынянова в общетеоретические построения, в результате которого стала терять свою референтность локальная тема о Ленском. Сам интерес Тынянова к конкретным фактам литературной жизни остается, и подтверждение этому – теоретические и историко-литературные работы исследователя, пронизанные утверждаемым значением «случайных» и поверхностных структур в литературе. Между тем методологический принцип Тынянова таков, что для него соотносительность с широкомасштабными перспективами, с интенцией на результаты, которые еще скажутся в будущем, – на первом плане. (Ср. у Л. Гинзбург: «Тынянов знал цену мелким мыслям, но заведомо мелких фактов для него не существовало. Он считал, что факт надо подержать в руках и посмотреть, не приведет ли он к чему-нибудь крупному. <...> Он всегда искал факт, который пружинит и подымает большое обобщение. <...> Стилистическая деталь, конкретный факт литературной и общественной жизни в процессе исследования растут, разветвляются, дорастают до исторического обобщения, до теоретической формулы» [1983, с. 164, 162, 163–164].)

Подводя некоторый итог рассуждениям о теме Ленского, перспективно было бы иметь в виду идентичность творческого оформления статьи «О композиции» (включая первоначальные наброски о Ленском) с утверждаемой Тыняновым поэтикой «Евгения Онегина». В построении научной статьи мы наблюдаем определенные механизмы, порождающие структурные характеристики пушкинского романа в стихах. Так, например, любое исследование Тынянова содержит в себе импульс энергосодержащей незавершенности текста. В поэтике «Евгения Онегина», разрабатываемой Тыняновым, универсальным выражением жанровой структуры «Онегина» является принцип развертывания «свободного романа» в «бесконечность», основанный на конструирующей роли читателя в создании произведения. Не менее важное значение в смыслообразовании пушкинского романа имеет введенное Тыняновым понятие эквивалентности текста, реализуемое в апперцептивном читательском поле. На семантическом уровне эти «эквиваленты текста» могут быть «додуманы» и наполнены любым содержанием в зависимости от установки воспринимающего «субъекта». Говоря о научном сочинении Тынянова,

¹ Тынянов вернулся к «проблеме Ленского» в статье «Пушкин и Кюхельбекер», впервые опубликованной в 1934 г., но поиски портретных черт прототипа привели его в итоге к теоретической неудаче. Ср.: «В чертах героя, в главном сюжетном пункте, катастрофе-дуэли – можно проследить конкретные черты... <...> Сюжетная катастрофа – дуэль, – как известно, вызвала упреки современной критики в немотивированности... <...> Таким образом, характеристика Ленского: Дух пылкий и довольно странный / и его обидчивость в начале III главы оказались недостаточно сильными мотивировками внезапной дуэли. По-видимому, ее мотивировали портретные черты прототипа, оставшиеся вне поэмы» [Тынянов, 1969в, с. 285].

мы отметим одно из отличительных его свойств, как намеренное усложнение смысла собственной речи, что провоцирует множество различных интерпретаций со стороны читателя и одновременно с этим вдруг возникшую возможность увидеть в тексте эквивалентный аналог литературному произведению. Подобного рода обращение с текстом может служить иллюстрацией к известному тыняновскому афоризму – «там, где кончается документ, там я начинаю», закрепившему за подразумеваемым вымышленным «объектом» право на фактическую достоверность.

Следует отметить, что термины Тынянова содержат в себе высокую степень метафоричности и, своего рода, барочные сдвиги как результат напряжения различных методологических интенций. «Теснота стихового ряда», «роман романа», «двупланнные ампула (героев)» – эти метафоры не только передают понятия, но являются «ходом конструирования» определенного текстового смысла. В известной степени терминотворчество для Тынянова было необходимой сферой выстраивания смысловых зон в литературном произведении. Так, например, представляя *героя* (как «крупнейшую семантическую единицу прозаического романа») в качестве «внешнего знака», объединяющего «разнородные динамические элементы» [Тынянов, 1977и, с. 56], Тынянов использует понятие деформации для того, чтобы «открыть» смысловое пространство *стихового* романа, в котором «сам внешний знак приобретает <...> иной оттенок по сравнению с прозой». Отсюда делается вывод о том, что «герой стихового романа не есть герой того же романа, переложенного в прозу» [Там же]. С этой точки зрения разрабатываемая Тыняновым терминология направлена не столько на теоретическое обоснование историко-литературных фактов, сколько на порождение динамизма восприятия фактов литературы. (В качестве примера следующий абзац.)

Такие смыслообразительные структуры языка поэзии, как *единство* и *теснота стихового ряда*, *динамизация речевого материала*, *сукцессивный* процесс речи в стихе, – представленные в «Проблеме стихотворного языка», были осознаны Тыняновым в связи с верлибром как наиболее показательной форме стиха для проведения динамизирующего принципа.

Определим вслед за Тыняновым основные структурные уровни верлибра, характеризующие последний как нерасчлененное *стиховое единство* [Тынянов, 1965а, с. 55]. Предпосылкой такого понимания свободного стиха явилась мысль Тынянова о том, что первичным признаком поэзии служит функциональная роль ритма, принципиально не совпадающая с ритмической функцией в прозе: «До какой бы фонической, в широком смысле слова, организованности ни была доведена проза, она от этого не становится стихом; с другой стороны, как бы близко ни подходил стих к прозе в этом отношении, он никогда не станет прозой. <...> Таким образом, различие между стихом и прозой как системной и бессистемной в фоническом отношении речью опровергается самими фактами; оно переносится в область *функциональной роли ритма*, причем решает именно эта функциональная роль ритма, а не системы, в которых он дается. <...> Нельзя изучать системы ритма в прозе и стихе равным образом, как бы эти системы ни казались близки друг к другу. В прозе мы будем иметь нечто совершенно неадекватное стиховому ритму, нечто функционально деформированное общей конструкцией. Поэтому нельзя изучать ритм прозы

и ритм стиха как нечто равное; изучая и то и другое, мы должны иметь в виду их функциональное различие» [Там же, с. 65, 66, 73].

Отвечая на призыв Тынянова переписать верлибр прозой, попробуем и мы в порядке эксперимента увидеть тыняновский текст с непривычной точки зрения, по возможности «верлибризировать» его, разбив на соответствующие разделы:

В речи бытуют
термины «словесность»,
«литература»,
«поэзия»,
и возникает потребность
прикрепить их
и тоже
обратить на потребу так
уважающей определения науке.

*И опять критика
воспринимала это
как выпад из системы,
как ошибку,
и опять это
было
смещением системы*

Но и самый жанр
– не постоянная,
не неподвижная система

Стареющий современник,
переживший одну-две,
а то и больше
литературные революции,
заметит, что
в его время
такое-то явление
не было
литературным фактом,
а теперь стало,
и наоборот

Обособляя литературное произведение,
исследователь вовсе
не ставит его
вне исторических проекций

«Невозможная»,

неприемлемая
форма Некрасова,
его
«дурные» стихи
были хороши
потому,
что сдвигали
автоматизированный стих,
были *новы*

каждое уродство,
каждая «ошибка»,
каждая «неправильность»
нормативной поэтики
есть
– в потенции
– новый
конструктивный принцип

Ода
– главенствующий жанр –
начинает спадать
в область «шинельных стихов»,
т. е. стихов,
подносимых
«шинельными» просителями,
– в быт.

Выступает
малая форма,
малая эмоция,
на смену аллегориям
идет психологизм.

Здесь, в письмах,
были найдены
самые податливые,
самые легкие
и нужные явления,
выдвигавшие
новые принципы конструкции
с необычайной силой:
недоговоренность,
фрагментарность,
намеки,
«домашняя» малая форма письма
мотивировали ввод мелочей

и стилистических приемов

Тип карамзинского письма
– мозаика с внедренными стихами,
с неожиданными переходами
и с закругленной сентенцией
– сохраняется долго.

Так письмо,
оставаясь частным,
не литературным,
было в то же время
и именно поэтому
литературным фактом.

И здесь,
в этой смене,
бывают
революции разных размахов,
разных глубин,

конструктивный принцип
стремится выйти
за пределы, обычные для него,
ибо, оставаясь в пределах,
он быстро автоматизируется.

Приведенные выше примеры – из статьи «Литературный факт», перегруженной верлибровыми конструкциями, в отличие от концептуально близкой, но не имеющей таковых, статьи «О литературной эволюции». И это неслучайно. У Тынянова нет стилистически гомогенных текстов, каждая его статья утверждает право на несходство и различие как на необходимую потребность стать «новым зрением» в науке. Очевидное здесь – тот «избыток энергии», присутствие которого отличает научную прозу Тынянова от артикулированных по преимуществу установок Шкловского и Эйхенбаума.

В итоговой статье, посвященной Пушкину, Тынянов написал о «катастрофической эволюции» его творчества как динамических сдвигах *формы*, определивших драматизм и трагическую обреченность поэта¹. Творчество Тынянова, интерпретированное в контексте пушкинской поэтики, актуализирует

¹ Ср.: «Бесполезны догадки о том, что делал бы Пушкин, если бы в 1837 г. не был убит. Литературная эволюция, проделанная им, была катастрофической по силе и быстроте. Литературная его форма переросла свою функцию, и новая функция изменяла форму. К концу литературной деятельности Пушкин вводил в круг литературы ряды внелитературные (наука и журналистика), ибо для него были узки функции замкнутого литературного ряда. Он перерос их» [Тынянов, 1969б, с. 165].

новое проблемное поле – трудно различимую средствами письма *энергию формы*¹, внимание к которой расширяет перспективу в изучении неявных способов видения реальности.

Литература

- Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974.
- Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Гинзбург Л. Записи 1970–1980-х годов // Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. писатель, 1989.
- Гинзбург Л. Я. Из старых записей. 1920–1930-е годы // Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Статьи, эссе, заметки. Л.: Сов. писатель, 1987.
- Гинзбург Л. Я. Тынянов – ученый // Воспоминания Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Голицына В. Г. Наш институт, наши учителя // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Каверин В. Друг юности и всей жизни // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965а.
- Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965б.
- Тынянов Ю. Автобиография // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966.
- Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969а.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969б.

¹ Тынянов находил ее в *эквивалентах текста*, щедро обнаруженных им в творчестве Пушкина. См. примеры в книге «Проблема стихотворного языка» [1965а, с. 43–50]. Ср. также: «Понимание стиха как звучащего сталкивается прежде всего с тем, что некоторые существенные факты поэзии не исчерпываются акустическим обнаружением стиха и даже противоречат ему. Таков, прежде всего, факт *эквивалентов текста*. Эквивалентом поэтического текста я называю все так или иначе *заменяющие* его внесловесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичную замену элементами графическими и т. д. <...> Перед нами неизвестный текст <...>, а роль неизвестного текста (*любого* в семантическом отношении), внедренного в непрерывную конструкцию стиха, неизмеримо сильнее роли определенного текста: момент такой частичной неизвестности заполняется как бы максимальным напряжением недостающих элементов – данных в потенции – и сильнее всего динамизирует развивающуюся форму. Вот почему явление эквивалентов означает не понижение, не ослабление, а, напротив, нажим, напряжение нарастанных динамических элементов. <...> С этой точки зрения форма есть непрерывная установка различных эквивалентов, повышающая динамизм» [Там же, с. 43, 46–47, 50–51].

- Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Кюхельбекер // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969в.
- Тынянов Ю. Н.* О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977а.
- Тынянов Ю. Н.* Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977б.
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977в (комментарий к статье «“Аргивяне”, неизданная трагедия Кюхельбекера»).
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977г (комментарий к статье «О пародии»).
- Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977д.
- Тынянов Ю.* О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977е.
- Тынянов Ю. Н.* Предисловие к книге «Архаисты и новаторы» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977ж.
- Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977з.
- Тынянов Ю. Н.* О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977и.
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977к (комментарий к статье «О композиции “Евгения Онегина”»).
- Тынянов Ю. Н.* Предисловие // «Младоформалисты»: Русская проза / сост. Я. Левченко. СПб.: ИД «Петрополис», 2007.
- Успенский Л.* Абсолютный вкус // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Хмельницкая Т.* Емкость слова // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Чуковский Н.* Разговоры с Тыняновым // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Шкловский В.* Город нашей юности // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Эйхенбаум Б. М.* Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929.
- Эйхенбаум Б. М.* О литературе. Работы разных лет. М.: 1987.
- Эйхенбаум Б.* Предисловие // «Младоформалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб.: ИД «Петрополис», 2007.
- Эйхенбаум Б. М.* Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. Литература. Теория. Критика. Полемика. Л.: Прибой, 1927.
- Эйхенбаум Б. М.* Творчество Ю. Тынянова // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М.: Сов. писатель, 1983.
- Эйхенбаум Б.* Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе. Сборник статей. Л.: Худож. лит., 1969.

Article metadata

Title: On the poetics of scientific text of Yu. Tynyanov.

Author: E.P. Berezhnaya.

Author's e-mail: bereg.63@mail.ru.

Author affiliation: State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: Quite justified, and to some extent logical, while studying the Russian formalism, is the idea of a close stylistic approaching of opojaz (Russian: Society for the Study of Poetic Language) texts to contemporary avant-garde and Acmeist literature, that resulted in the creation of unprecedented conglomerate of codependent relationships between scientific character of literature and literariness of science in the creative work of formalists. Having become participants of the «drastic change of Art», followed by the revival of poetics in the first decade of the twentieth century, the opojaz scientists received the necessary conditions allowing them like to «turn over a new leaf» in interpreting their own original position in the intellectual context of the epoch and their newly created science about literature. This legitimation of «common cause» which they comprehend «from the very beginning» as «historic deal» (Eichenbaum), is impossible without clarifying the individual personal experience, without understanding of the mechanisms through which the representatives of opojaz «triumvirate» created their own analytics and their own descriptive language, «looking up to nobody but themselves» (Kaverin). After a brief formalist expansion, involving the idea of deformation and changes, philology turned to be a «different» science and Tynyanov in this respect made a special contribution. Tynyanov does not have any stylistically homogeneous texts, each of his articles claims the right to unlikeness and difference as a necessary requirement to become a «new vision» in science. Obvious here is the «excess of energy», which distinguishes scientific prose of Tynyanov from mainly articulatory settings of Shklovsky and Eichenbaum. In the final article, devoted to Pushkin, Tynyanov wrote about «catastrophic evolution» of his work as of dynamic shifts of the form, defining dramatic nature and tragic fatality of the poet. Tynyanov's creativity, interpreted in the context of Pushkin's poetics, allows to make actual a new problem field – the form energy, that is hard to see by means of letters, the attention to which extends a perspective in the study of hidden ways of seeing reality.

Key terms: Russian formalism, «The problem of poetic language», Pushkin, free verse, text equivalents, energy of the form

Reference literature (in transliteration):

Bocharov S. G. Pojetika Pushkina. Ocherki. M., 1974.

Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.

Ginzburg L. Zapisi 1970–1980-h godov // Ginzburg L. Chelovek za pis'mennym stolom: Jesse. Iz vospominanij. Chetyre povestvovanija. L.: Sov. pisatel', 1989.

Ginzburg L. Ja. Iz staryh zapisej. 1920–1930-e gody // Ginzburg L. Ja. Literatura v poiskah real'nosti. Stat'i, jesse, zametki. L.: Sov. pisatel', 1987.

Ginzburg L. Ja. Tynyanov – uchenyj // Vospominanija Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.

- Golicyna V. G. Nash institut, nashi uchitelja // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Kaverin V. Drug junosti i vsej zhizni // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Tynyanov Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka. Stat'i. M., 1965a.
- Tynyanov Ju. N. O Hlebnikove // Tynyanov Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka. Stat'i. M., 1965b.
- Tynyanov Ju. Avtobiografija // Jurij Tynyanov. Pisatel' i uchenyj. Vospominanija. Razmyshlenija. Vstrechi. M.: Molodaja gvardija, 1966.
- Tynyanov Ju. N. Arhaisty i Pushkin // Tynyanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. M.: Nauka, 1969a.
- Tynyanov Ju. N. Pushkin // Tynyanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. M.: Nauka, 1969b.
- Tynyanov Ju. N. Pushkin i Kjuhel'beker // Tynyanov Ju. N. Pushkin i ego sovremenniki. M.: Nauka, 1969v.
- Tynyanov Ju. N. O literaturnoj jevoljucii // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977a.
- Tynyanov Ju. N. Promezhutok // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977b.
- Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977v (kommentarij k stat'e «"Argivjane", neizdannaja tragedija Kjuhel'bekera»).
- Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977g (kommentarij k stat'e «O parodii»).
- Tynyanov Ju. N. Dostoevskij i Gogol' (k teorii parodii) // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977d.
- Tynyanov Ju. O parodii // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977e.
- Tynyanov Ju. N. Predislovie k knige «Arhaisty i novatory» // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977zh.
- Tynyanov Ju. N. Literaturnyj fakt // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977z.
- Tynyanov Ju. N. O kompozicii «Evgenija Onegina» // Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977i.
- Tynyanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. M.: Nauka, 1977k (kommentarij k stat'e «O kompozicii "Evgenija Onegina"»).
- Tynyanov Ju. N. Predislovie // «Mladoformalisty»: Russkaja proza / sost. Ja. Levchenko. SPb.: ID «Petropolis», 2007.
- Uspenskij L. Absoljutnyj vkus // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Hmel'nickaja T. Emkost' slova // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Chukovskij N. Razgovory s Tynyanovym // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Shklovskij V. Gorod nashej junosti // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.
- Ejhenbaum B. M. Literaturnyj byt // Ejhenbaum B. M. Slovesnost'. Nauka. Kritika. Smes'. L.: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1929.

Ejhenbaum B. M. O literature. Raboty raznyh let. M.: 1987.

Ejhenbaum B. Predislovie // «Mladoformalisty»: Russkaja proza / Sost. Ja. Levchenko. SPb.: ID «Petropolis», 2007.

Ejhenbaum B. M. Teorija «formal'nogo metoda» // Ejhenbaum B. Literatura. Teorija. Kritika. Polemika. L.: Priboj, 1927.

Ejhenbaum B. M. Tvorcestvo Ju. Tynyanova // Vospominanija o Ju. Tynyanove. Portrety i vstrechi. M.: Sov. pisatel', 1983.

Ejhenbaum B. Tvorcestvo Ju. Tynyanova // Ejhenbaum B. O proze. Sbornik statej. L.: Hudozh. lit., 1969.